

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94:008

В. И. Полищук

ТРАДИЦИЯ ВОСПИТАНИЯ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: В статье описаны многократные попытки формирования «нового» человека, которые предпринимались в различные периоды существования нашего государства, начиная с древних времен. Показаны усилия князя Владимира по организации первых училищ в связи с крещением Руси и приобщением народа к мировой культуре; влияние реформ Петра I на образование и науку; просветительская деятельность Екатерины II и ее фаворита И. И. Бецкого. Основным мотивом правителей было стремление видеть своих подданных «преображенными», не обремененными пережитками «неправильного» прошлого. Уделяется внимание и более поздним событиям. Упоминается о своеобразном вкладе в традицию «нового человека», сделанном Д. И. Менделеевым, разработавшим так и не осуществленный проект «Училища наставников»: великий ученый считал, что для воспитания нового поколения необходима подготовка образованных в философском плане педагогов. Представлены итоги советского опыта по формированию людей «нового» типа – строителей коммунизма.

Опираясь на ретроспективный анализ, автор приходит к выводу: все неудачи попыток воспитать людей «нового» типа, всегда были связаны с несовпадением официально провозглашавшихся и подразумевавшихся целей. Под формулой «новый» человек имелся в виду «нужный» – т. е. благонадежный, заслуживающий доверия правящей власти и соответствующий ее представлениям о нормах поведения и образе жизни. Очевидно, что на протяжении отечественной истории высокопоставленные радетели идеи людей «новой породы» уделяли несравнимо меньше внимания внутреннему миру воспитуемых, чем их внешним деяниям: речам, поступкам, поведению. Однако только отказ от нелепого заблуждения о несущественности внутреннего, субъективного в человеке и обращение педагогов и российских политиков в области воспитания и образования к духовному, внутреннему потенциалу, сущностным началам лич-

ности станут отправной точкой на пути к действительному обновлению мировоззрения человека.

Ключевые слова: образование и культура, воспитание, «новый» человек, внутренний мир человека.

Abstract: The paper describes numerous attempts at upbringing the new personality undertaken in various periods of Russian history: the baptism of the Russian people by Prince Vladimir, reforms of Peter I concerning education and science, educational procedures introduced by Ekaterina II, etc. Each time, the governors wanted to see their people transformed and enlightened. The author analyzes the contribution of D. I. Mendeleev to the national tradition of fostering the new personality; the scientist emphasized a priority of upbringing well-educated tutors who, in their turn, would educate a new breed of people. The Soviet time experience concerning education and upbringing of the future communism builders is revealed.

Based on the retrospective analysis, the author comes to conclusion that all the unsuccessful attempts at upbringing the new personality resulted from the discrepancy between the officially stated goals and insufficient attempts to develop loyal and reliable citizens. Not enough emphasis was placed on the inner world of people compared to their words, deeds and attitudes. In author's opinion, the actual renewal of people's world outlook can be achieved only by getting rid of old misunderstandings and emphasizing the spiritual potential and existential bases.

Keywords: education and culture, upbringing, new breed of people, inner world.

Они хотят сказать, что человека можно изучать снаружи, как огромное насекомое. По их мнению, это беспристрастно, а это просто бесчеловечно.

Г. К. Честертон

В российской истории есть факты, на основе которых можно проследить, как складывались некоторые традиции в отечественном образовании. К одной из таких традиций относится воспитание «нового человека». Зачатки подобного воспитания можно обнаружить уже в Древней Руси.

Избрав христианство как государственную религию, великий князь киевский Владимир, по совету греков, занялся организацией

первых училищ. Летопись сообщает, что он повелел собрать детей из известных фамилий для «обучения книжного», причем матери оплакивали их как мертвых, поскольку считали грамоту опасным чародейством. Князь же полагал: детей необходимо изолировать от родителей, так как, будучи на попечении семьи, они останутся язычниками. Однако вовсе избавить подрастающее поколение от языческого влияния Владимир не смог, поэтому еще довольно продолжительное время после введения христианства на Руси параллельно существовали две веры – своя и чужая. В начале XV в. один из католических иерархов сообщал в Рим, что религию русичей нелегко понять – то ли это оязыченное христианство, то ли охристианенное язычество. Двоеверие породило безверие и двойственное отношение людей не только к религии, но и к власти, к отечеству. Оно же во многом послужило причиной и подозрительного отношения к культуре в целом, отождествлявшейся в представлении простого человека именно с христианством. Таким образом, христианская вера, которая была избрана князем как средство приобщения русского народа к общемировой культуре, стала активно насаждаться и распространяться в качестве официальной религии, но сознание людей по-прежнему оставалось «доморощенным», полным суеверий.

Другая попытка изменить косное сознание подданных и получить «человека нового типа» связана с эпохой Петра Великого и его бурной деятельностью по переустройству государственной системы. Отсталость России Петр I объяснял весьма просто: «Западная Европа раньше нас усвоила науки древнего мира и потому нас опередила, мы догоним ее, когда, в свою очередь, усвоим эти науки» [8, с. 8]. Основным средством преобразования и развития отечественной культуры и жизненного уклада в целом выступала уже не религия, а знание. Однако петровские реформы шли полным ходом, пока был жив император. После его смерти их результаты ощущались в государстве все менее и менее явно. «Птенцы гнезда Петрова», конечно, оказывали какое-то влияние на российскую действительность, но оно было ничтожно малым среди наро-

да и не «своим» для большинства населения. К примеру, «верхушка» общества – дворянство – общалась между собой не на родном, а на немецком или французском языках, что само по себе не вызывало симпатий у остальных социальных групп, больше того – провоцировало у них опять-таки недоверие ко всем инициативам людей действительно образованных и просвещенных.

Следующим правителем, предпринявшим меры по созданию «новой породы людей», стала Екатерина II. Ее мотивы были те же, что у князя Владимира и Петра I: это, прежде всего, недовольство своим народом – темным, невежественным и неблагодарным. Императрицу беспокоили вспыхивавшие в разных местах страны крестьянские бунты, недостаточно выраженная, как ей казалось, верноподданность дворян и представителей чиновничества, их вольномыслие и дерзость. За четыре десятилетия, прошедшие со времени петровских преобразований, нравы в обществе, по мнению Екатерины II, заметно испортились. Уважение к науке, идущее от Петра I, отгеснило и обесценило воспитание, что, как полагала она, было в корне неправильно: все, что ранее было сделано в области народного образования, не служило основной цели власти – господству престола над душами подданных, а не только над их умами.

В суждениях, взглядах и действиях императрицы можно обнаружить определенные противоречия. Известно, что она, пусть внешне, разделяла некоторые взгляды французских просветителей. Известно также и то, что она не жаловала Ж. Ж. Руссо, к которому негативно относились и сами просветители. Профессор В. А. Бильбасов спустя столетие со дня кончины Екатерины II писал, что она «не выносила его <Руссо> за проповедь превосходства нравственного воспитания перед развитием умственных способностей и на его борьбу с культурой смотрела как на богомерзкую ересь против религии века» [2, с. 275]. Получается, Екатерина, настаивавшая на необходимости приоритета воспитания над образованием, сама, может быть, не сознавала того, что стремилась реализовать идеи столь неприятного ей «женевского чудака».

Екатерина II планировала создание новой системы воспитательно-образовательных учреждений. Осуществление своих замыслов она поручила высокообразованному для своего времени и хорошо ей известному И. И. Бецкому, который прежде служил камергером при дворе будущего императора Петра III и его супруги Екатерины Алексеевны, испытывавшей, по-видимому, к этому чиновнику нечто вроде духовной близости. Во всяком случае, именно Бецкой, находившийся, к слову сказать, под влиянием не только учений Я. А. Коменского и Дж. Локка, но и философии Ж. Ж. Руссо, казался императрице самой подходящей кандидатурой, способной взять на себя руководство по организации указанных учреждений.

И. И. Бецкой получил не только хорошее образование, но и добротное воспитание, которое он старался распространить на учащихся во вверенных ему воспитательных заведениях. Несомненно, он был предан как своему делу (не имея прямых наследников, Бецкой завещал часть своего имущества подопечным ему учебным заведениям), так и лично Екатерине II. В одном из писем к ней Бецкой вспоминал, как в ответ на перечисление им всех ее достоинств, она отвечала: «Ей Богу, мой генерал, мне кажется, вы в меня влюблены» [1, с. 383]. А в конце другого письма он восклицал: «Как жаль, что я не могу скинуть с костей моих лет 20 или 30; вы бы наделали дел с вашим весьма преданным и весьма верным поклонником!» [1, с. 399].

И. И. Бецкой считал, что, чтобы дать правильное воспитание, нужно как можно раньше оградить детей от укorenившихся неправильных методов и вредных традиций. В воспитательные училища должны были принимать детей не старше 5–6 лет и прививать им необходимые «добродетели и качества»: страх Божий, похвальные склонности, трудолюбие, учтивость, благопристойность, «соблезнование о бедных», знание «домостроительства», опрятность. Детей запрещалось бить, «грозить им и бранить, хотя и причины к тому бывают». Среди воспитанников обоего пола надлежало выявлять особенно способных, чтобы развивать в них природ-

ные дарования, «дабы произвести и превосходных людей по превосходству разума их и качества» [1, с. 401].

Бецкой искренне верил в возможность посредством правильного воспитания устранить изъяны «дурного» влияния на детей. Описывая Екатерине II характер ее побочного сына А. Г. Бобринского, он отмечал: «...хорошее у него от природы, все же худое является следствием дурного воспитания, ему данного; в нем задушили хорошие побуждения его органов, чтобы сделать машину обыденного послушания. Но зло не без исправления». И далее: «Я вручаю его послезавтра гувернеру, который, стараясь возбудить в нем любопытство ума и чувствительность сердца, сделает из него достойного человека; на эти два предмета, от которых зависят познания ума и качества сердца, не было обращено ни малейшего внимания» [1, с. 398].

Желая взрастить в своих воспитанниках «любопытство ума и чувствительность сердца», Бецкой старался проводить с ними время не только в стенах учебных заведений. С умилением писал он, как воспитанники 5-го класса делают ему честь, приходя к нему «по отделениям, по очереди, всякое воскресенье обедать и проводить часть дня на инспекции». «Смею заверить, что невозможно лучше вести себя как они; я сам в восторге» [1, с. 389–390].

Однако далеко не все в воспитательных заведениях удовлетворяло Бецкого. Предваряя намерение императрицы посетить Московский воспитательный дом, он прямо писал ей о своем сомнении в том, что она останется довольна. Действительно, хотя Екатерина II после визита и инспекции учреждения благосклонно отозвалась о деятельности Бецкого, но сделала и ряд замечаний. Соглашаясь с ними, он описывал и объяснял их следующим образом: «Толщина мальчиков и девочек в доме, их неловкость, непонятливость, их угрюмый вид, молчаливость доказывают, очевидно, что до настоящей минуты не признали нужным обращать внимание на правила физического и нравственного их развития, так как даже и в здешних заведениях это с трудом можно ввести, заботятся только об учении. Эти упущения мне известны; я давно скорблю

об этом и употребляю все для исправления этого; едва ли не каждую неделю пишу я по этому поводу целую книгу совету опекунов и главному инспектору» [1, с. 404–405].

Бецким были составлены и изданы для всех училищ уставы, содержавшие немало новых и впечатляющих педагогических идей. После чего перед ним встал извечный в образовании вопрос: где найти воспитателей, которые сумели бы воплотить эти идеи в реальность? В принципе он был не против «природных россиян», но, будучи сам той же «природы», найти достойных среди них особо не надеялся. Однако и среди иностранцев, к которым он обращался, подходящих личностей не находилось. И в 1775 г. Бецкой писал Екатерине II: «Ни один из них <воспитателей. – В. П.> не проявил надежного умения; ни один не постигает настоящие цели учреждения; ни один не понимает его духа; они только заботятся о личных выгодах, ссорятся между собою и сплетничают друг на друга по привычке и худому их воспитанию. Мы принуждены будем, ваше величество, снова их заместить другими, вводя понемногу честных иностранцев или, по крайней мере, смешивая их вместе» [1, с. 405]. Бецкого вполне удовлетворяло лишь руководство воспитательно-образовательных учреждений: «Как я доволен, ваше величество, что достиг того, что мог поставить на одну ногу все три заведения, а именно, г-жа Лафон – в обществе девиц, г. Рибас – в кадетском корпусе и Закревский – в Академии Художеств, и что они друг перед другом стараются об общем деле с рвением и неутомимым усердием» [1, с. 409].

Но заменить собой воспитателей даже самое хорошее руководство не могло, поэтому главное дело Бецкого – создание «новой породы людей» – было доведено, как он писал, до «позорной крайности». Так и завершилось одно из неплохих начинаний в российском образовании, которому покровительствовала сама императрица. Все просто, казалось бы: не прижились на российской почве идеи и опыт заграничных педагогов.

Традиция создания «новой породы людей», т. е. людей новой культуры, на этом не прервалась. Мнение молодого К. Маркса

о том, что «воспитатель сам должен быть воспитан», для России не было ни новым, ни революционным. Через сто с лишним лет после смерти И. И. Бецкого ту же проблему подбора «неиспорченных» пагубным влиянием российского общества педагогических кадров пробовал решить Д. И. Менделеев, разработавший проект закрытого учебного заведения для подготовки учителей и профессоров. В проекте были предусмотрены место строительства «Училища наставников», размеры здания, его сметная стоимость, заработная плата персонала и т. п. Со своим предложением великий ученый обратился в правительство, но оно осталось без всякого внимания. Возможно, причина кроется в убеждениях Д. И. Менделеева, которые он изложил в пояснительной записке: будущие наставники, чтобы производить «плодотворное действие», должны быть основательно образованными в области философских наук, поскольку польза в них прямо «не преследуется» [5, с. 234]. А российское чиновничество во все времена в философии ничего, кроме вредности, не видело.

Как и какими методами «ковался» новый человек в молодой стране Советов в 20-е и 30-е гг. XX века, отдельная большая тема, которой посвящено огромное количество литературы, и исторической, и художественной, поэтому в рамках данной статьи мы не будем останавливаться на этом периоде.

Вопрос о воспитании «новой породы людей», в измененной, разумеется, формулировке, был вновь возведен в ранг государственного во второй половине XX-го столетия. В 1961 г. XXII съезд КПСС принял новую Программу партии, ставившей своей целью строительство в СССР коммунистического общества. В числе первоочередных задач строительства было указано формирование «нового человека». Правда, речь уже не шла об организации особых воспитательно-образовательных учреждений. Предполагалось, что вся система народного образования, наука, культура, искусство «испытают расцвет» и станут базой для появления такого человека. В Программе был сформулирован и своеобразный стандарт его личностных качеств – «Моральный кодекс строителя коммунизма»

[4, с. 2297]. Масштабность задачи впечатляла и, по крайней мере, в сфере идеологии оказала несомненное влияние на советское общество.

Тем не менее судьба очередных усилий оказалась практически той же, что и предыдущих. Хотя идея «нового человека» еще декларировалась на государственном уровне в 70-е гг., но стало ясно, что окончательное строительство коммунистического общества отодвигается на неопределенный срок [10]. Возвращение к данной идее в середине 80-х гг. прошлого века, в связи с перестройкой и «новым социально-политическим мышлением» [6], тоже было непродолжительным. На этом, собственно, и закончился советский опыт воспитания «новых» людей. Был ли он удачным? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя.

С одной стороны, в постсоветской России особенно активными оказались вчерашние лидеры пионерской и комсомольской организаций, бывшие партийные работники. Они стали инициаторами развития предпринимательской деятельности и проведения приватизации бывшей общенародной собственности. Сравнительно молодые люди, воспитанные «в духе пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма», а также «в духе преданности делу коммунизма» вдруг открестились не только от этого самого духа, но и от всех связанных с ним ценностей, став умелыми торгашами, взяточниками и казнокрадами. Впрочем, то же самое поспешили сделать и их вчерашние воспитатели. В таком ракурсе воспитание советского образца выглядит весьма неприглядно.

С другой стороны, централизация российской власти и растущий авторитаризм на всех уровнях воспроизводят сегодня режим управления обществом страны Советов. В соответствии с этим постепенно стал воспроизводиться наработанный школой прежний опыт воспитания. Выходит, ничего нового в данной области модернизаторы и реформаторы российского образования за четверть века изобрести не смогли. Следовательно, советский опыт форми-

рования «нового человека» оказался не таким уж плохим, коли пригодился и «несоветским» властным структурам.

На наш взгляд, обозначенная двойственность и противоречивость советского наследия, как и неудачи предшествующих попыток воспитать людей «нового» типа, связаны с несоответствием официально провозглашавшихся и подразумевавшихся целей. Под формулой «новый» человек всегда имелся в виду «нужный» – т. е. благонадежный, заслуживающий доверия правящей власти и соответствующий ее представлениям о нормах поведения и образе жизни. Это и огорчало когда-то Дмитрия Ивановича Менделеева, побуждая его к поиску новых условий и методов подготовки воспитателей [5, с. 233].

В самом слове «воспитание» (вос-питание) кроется обращение к внутреннему миру человека, к тому, что его изначально питает, что необходимо обнаружить, а обнаружив, придать совершенный вид. Да и понятие «образование» означает, если исходить из его этимологии, процесс формирования естественного, а не удобного кому-либо облика, образа, вида. Такие образы вдохновляли и И. И. Бецкого, и Д. И. Менделеева. Именно о таком образе писал Н. И. Пирогов, призывая: «Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное, у вас будут люди и граждане» [7, с. 37].

Что такое внутренний человек – демон Сократа или просто совесть, голос рассудка или спрессованный в каждом человеке опыт всего человеческого рода? Чем бы он ни был, он внутри нас – это наша внутренняя вселенная, которой и нужно дать «выработаться и развиться», чтобы она приобрела действительно свой, а не кем-то представляемый облик (образ).

Очевидно, что на протяжении отечественной истории все высокопоставленные радетели создания «нового человека» уделяли несравнимо меньше внимания внутреннему миру воспитуемых, чем их речам, поступкам, поведению, т. е. внешним деяниям. Отчасти это можно объяснить распространенным мнением, что ни-

какого «внутреннего человека» либо не существует, либо его легко можно подчинить наружному влиянию, а не наоборот. Убеждение в нереальности либо несущественности внутреннего, субъективного в человеке, с точки зрения некоторых ученых, является примером «самого, пожалуй, нелепого научного заблуждения XX века» [3, с. 257]. Это убеждение в XIX в. было заимствовано гуманитариями из естествознания, где оно царило в течение веков. Однако в конце предшествующего столетия от него стали отказываться и сами естественники: «... сегодня, когда физики пытаются конструктивно включить нестабильность в картину универсума, наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров, что, возможно, является одним из важнейших культурных событий нашего времени» [9, с. 48]. Хотелось бы надеяться, что примеру физиков последуют не только педагоги, но и российские политики в области воспитания и образования, причем чем скорее это произойдет, тем лучше.

Литература

1. Бецкой И. И. К императрице Екатерине II // Русская старина. 1896. № 11.
2. Бильбасов В. А. Памяти императрицы Екатерины II // Русская старина. 1896. № 11.
3. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990.
4. КПСС: справ. / Д. И. Антонюк, Ю. Н. Амиантов, В. В. Аникеев и др. М., 1982.
5. Менделеев Д. И. Народное просвещение и высшее образование // Д. И. Менделеев. Сочинения. Л.-М., 1952. Т. 23.
6. Очерк теории социализма / Г. Л. Смирнов, Э. М. Андреев, Э. А. Баграмов и др. М., 1989. С. 300–315.
7. Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. М., 1985.
8. Полищук В. И. Образ науки и культуры в современной России: «возвращение со звезд» // Деятельностное понимание культуры

ры как вида человеческого бытия: материалы II Междунар. науч. конф. Нижневартовск, 2004.

9. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.

10. Ходячий Ф. З. За нового человека! // Советская интеллигенция: краткий очерк истории (1917–1975). М., 1977. С. 276–298.